

Получение экипировки оказалось не из приятных дел, особенно после того, как стало известно о моем сиротском статусе. Жалостливые взгляды и притворные соблезнования лишь усиливали раздражение. Но радость от обретения собственной палочки перевешивала все. На мощеных улочках переулка я шел следом за профессором Флитвиком, разглядывая прилавки, заваленные диковинными приспособлениями и зельями. — Профессор? — перекрикнул я шум переулка. Он повернулся, вопросительно приподняв бровь. — Какой предмет вы преподаете? — Чары, мистер Довакин, — начал он. — Это довольно интригующее направление магии, позволяющее наделять предметы и людей определенными свойствами. — Звучит интересно, — добавил я, вызвав одобрительный смехок мастера чар. — Так и есть, мистер Довакин, — сказал он, останавливаясь перед магазином. — Вот сумма в семь галеонов, достаточная для покупки вашей палочки. Я уйду, чтобы купить остальные вещи, и вернусь, чтобы отвезти вас домой. Он протянул мне монеты и кивнул напоследок, прежде чем скрыться в противоположном направлении. "Ну, вот и все, что касается "дети - это будущее". — фыркнул я, входя в магазин палочек. Магазинчик был крошечным, пустым, если не считать одного-единственного колченого стула в углу. Бесчисленные узкие коробки с палочками были расставлены на полках, занимавших всю ширину и высоту магазина, и все вокруг было покрыто тонким слоем пыли. Я чихнул, и Олливандер подошел ко мне сзади со словами: — Простите, молодой человек. Я вздрогнул, успокаивая бешено бьющееся сердце, и обернулся, встретившись взглядом с его бледно-лунными глазами. — Вы часто так делаете, не так ли? — обвиняюще спросил я, сузив глаза. — Я Асим Довакин, приятно познакомиться... — Я не подтверждаю и не опровергаю ваши утверждения, — сказал он ровным, но зычным голосом. — Итак, вы, должно быть, пришли за своей палочкой, да? Какая у вас рука? — Я правша, если вы об этом спрашиваете. Он подошел ко мне, делая различные замеры своей плавающей рулеткой и тихонько напевая. Закончив, он подошел к своему пыльному прилавку, поманив меня за собой одним пальцем. Я встал перед ним, и в этот момент на полках загрохотали несколько коробок. Олливандер крутанулся на месте и с маниакальным гоготом бросился за прилавок. 'Старый хрыч...' — усмехнулся я, неторопливо шагая к нему. Он разложил передо мной все эти возбужденные коробки, раскинув руки, как рингмейстер в цирке. — Ну что ж, господин Довакин, — сказал он с улыбкой. — Вы значительно облегчили мою работу. — Я стараюсь угодить. Он достал из кармана монокль, приложил его к правому глазу, осматривая все палочки, и, закончив, громко задышал. — Все эти палочки содержат сердечные жилы дракона... — сказал он. — Мистер Довакин, закройте глаза и вытяните руку с палочкой, двигаясь к той палочке, к которой вас больше всего тянет. Я просто кивнул головой, закрыл глаза и протянул руку. Ладонь покалывало, когда я проводил рукой по прилавку. Я почувствовал, как большинство палочек подчинились мне, став совершенно послушными. Ни один дракон не преклонит колено перед другим... Я скривил губы и вернул руку на место. Только два жезла оказывали хоть какое-то сопротивление. — Вот эти две, мистер Олливандер, — сказал я, указывая на крайние правые ящики. Он молча подчинился, вернув на полки все палочки, кроме тех двух, на которые я указал. Давайте посмотрим, что у нас есть. Поправляя монокль, он осмотрел первую палочку. — Бук и сердцевина дракона, двенадцать дюймов и три четверти, красивая и гибкая. Держа палочку так, словно она могла сломаться в любой момент, он передал её мне. Я крепко сжал её, чувствуя прилив сил. Чего-то не хватает... В моей груди зародилась тоска: я жаждал чего-то, что заполнило бы пустоту, пустоту, которую не могла заполнить эта палочка. Я покачал головой, сожаление зародилось внутри меня, и я нерешительно передал палочку обратно Олливандеру. — Другую, мистер Олливандер. — Я сказал это не более чем шепотом. Он понимающе кивнул, возвращая буковую палочку в футляр и осматривая следующую. — Черный орех и сердцевина дракона, тринадцать дюймов, непреклонная, — сказал он, протягивая мне палочку. Как только мои пальцы коснулись дерева, я понял, что это та самая палочка. Я закрыл глаза, чувствуя себя завершённым. Моя магия запела, когда я поднял палочку над головой и закрутил её по дуге. Передо мной стоял тот самый дракон из моей предыдущей галлюцинации, его чешуя была темной, как бездна, но

каким-то образом умудрялась жутко мерцать. Он склонил свою царственную голову набок, золотые глаза сверкнули, как я понял, забавно. Из глубины его горла вырвалось гортанное рычание, из рыла повалил едкий дым. Я почувствовал, как на моем лице появилась ухмылка: палочка и наша связь впечатались в мое существо. Когда я открыл глаза, вокруг моего тела струилась и танцевала сверхъестественная голубая и оранжевая аура, и я услышал восторженные аплодисменты Олливандера. Мой взгляд, казалось, притянулся к палочке. По всей длине палочки был выгравирован извивающийся дракон, который начинался на полпути и заканчивался на помпоне. — Bravo, мистер Довакин, bravo! — сказал он, его глаза цвета луны радостно вспыхнули. Я кивнул, улыбка, казалось, навсегда закрепилась на моем лице, и порылся в карманах в поисках денег. — Сколько я вам должен, сэр? Он прочистил горло и выпрямился, прежде чем ответить. — Семь галеонов, пожалуйста. Я протянул ему монеты, затем подошел к креслу в углу комнаты и сел. С новым поступлением на данный момент покончено, и у меня наконец-то появилось время посмотреть в глаза слону в комнате.

Вернувшись в детский дом, я лежал на кровати и безучастно смотрел на крышу, окрашенную в тилловый цвет. Грустно улыбнувшись, я приподнялся и посмотрел на картину, висевшую на стене. На ней был изображен я, вернее, Асим, счастливо улыбающийся, обнимающий маленького ребенка. Я понял, что не могу контролировать свое внезапное перемещение в это тело. 'Но от этого я не чувствую себя менее дерьмово...' — подумал я. Я смахнул с лица несколько слезинок, слегка шлепнув себя по щекам. 'Не буду больше так хандрить. Надо что-то делать в этой новой жизни, пусть даже искупить свою вину'. Откинувшись на край кровати, я взял книгу из стопки, лежащей на полу. Она называлась "Магическая теория", в чем я очень нуждался. У меня не было преимущества жить в семье волшебников, и я сомневался, что надуманные теории, почерпнутые из многочисленных фанфиков, которые я читал, смогут мне помочь. В книге, наряду с изложением фундаментальных законов, таких как "Закон Гампа об элементарной трансформации", магия представлялась как форма энергии, которую волшебники направляли на исполнение заклинаний. Движения палочкой служили физическим фокусом, а заклинания — ментальным, своего рода ограничителем намерения. — Стоп, а не является ли это полной противоположностью? — Гораздо разумнее было бы обучать намерению в первую очередь, а не давать ученикам "костыль" на всю их школьную жизнь. Большинство студентов проходят обучение, так и не осознавая важности намерения. В качестве примера можно привести невербальный кастинг, который вводится только на шестом курсе. Слишком поздно, ведь невозможно понять всю сложность того, что намерение является ядром заклинания, если человек так долго полагался на заклинания и движения палочкой, что в его голове уже укоренились ментальные ассоциации между заклинаниями, движениями палочкой и результатом. Остановившись, я оглядел комнату в поисках блокнота для заметок и нашел его, спрятанным в шкафу. Пыль от обложки щекотала ноздри, вызывая чихание. Я принялся записывать все, что попадалось в учебниках: от магических законов до вопросов, возникавших во время чтения. Например: если мы служим проводником для магии, то почему так трудно творить волшебство без посторонней помощи? Дочитав книгу до конца, я опустился на жесткий деревянный стул. — Черт, неужели здесь нет более удобных стульев? — Мой желудок заурчал, побуждая меня поискать пропитание. — Интересно, знаю ли я, где здесь столовая? — Покинув свою комнату, я блуждал по многочисленным коридорам приюта, охваченный дежавю и странными побуждениями, которые заставляли меня сворачивать за углы, преодолевать лестничные пролеты, пока я, наконец, не достиг того места, где, по моим предположениям, находилась столовая. Беспокойство разлилось по пальцам ног, пульс участился. Я сглотнул ком в горле и неуверенно шагнул вперед. — Чего я нервничаю? Там же есть еда, нет? — Вскоре я узнал причину. Как только я переступил порог столовой, на меня устремились бесчисленные пары презрительных взглядов и осуждающие шепотки. Я бы соврал, если бы сказал, что меня это не беспокоило, но потребность в еде пересилила всякое чувство дискомфорта по поводу моего нынешнего положения. К счастью, мне удалось закончить трапезу в относительном спокойствии, покинув столовую. На этом мой

невротический приступ закончился, возмущение постепенно уходило, пока я снова не успокоился. Вернувшись в свою комнату, я положил книги на полку в шкафу. Улыбаясь, я положил руки на бедра, довольный собой. Оставалось только положить палочку на стопку книг, принять душ и лечь спать. Но прежде... Я снял крышку с коробки, неуверенно положил ее на стол и дрожащей рукой поднес к палочке. Я схватился за рукоять, и по моей руке прокатилась волна чистой эйфории, когда моя магия запела, воссоединившись с ней. Я прикусил губу, вздрогнув, и, отпустив палочку, бросил ее в коробку. — Черт побери, если просто взять ее в руки вызывает такое привыкание, то, пожалуй, мне стоит держаться от нее подальше, пока не придет время идти в школу. — С этими словами я снял с себя одежду и надел халат, не переставая удивляться смешности ситуации. В детском доме в Кенте условия жизни были гораздо лучше, чем в моей убогой муниципальной квартире в Лондоне. — Да ладно! В каком детском доме детям выдают халаты?! — Я вернулся из душа и обнаружил на подушке свою пижаму. Забравшись под простыню, я наклонился и погасил прикроватную лампу, убрав из комнаты весь задерживающийся свет. Манящий зов сна позвал меня. Подавив зевок, я медленно закрыл глаза, и мне стало интересно, что же ждет меня в ближайший месяц.

<http://tl.rulate.ru/book/98696/3348399>